

О. Ю. Юхнина¹

ГРАНИЦЫ ЛИЧНОГО В ЭПОХУ «НОВОЙ ЭТИКИ»

На протяжении нескольких лет мы часто сталкиваемся с выражением «новая этика», как правило, в контексте обсуждения социально-политических движений, таких как MeToo или Black Lives Matter, ставших особенно резонансными. Мы живем в эпоху, когда в жизни современного общества многие привычные вещи подлежат переосмыслению и устанавливаются новые правила.

В публичное пространство открытой дискуссии вынесено обсуждение опыта самых разных социальных групп, ранее не имевших статуса говорить о своем негативном опыте и своих переживаниях. Речь не идет об «этическом рейхе»², потому что это разговор в публичном поле, а не лоббирование интересов. В «новой этике» нет обещания светлого будущего, а есть обещание возможного диалога между условно существующим большинством, которое привыкло к тому, что правила устанавливаются ими и все живут по этим правилам, интегративно включаясь во взаимодействие, и теми, кого можно назвать другими, угнетаемыми, уязвимыми группами, которые предполагают, что их тоже необходимо слушать и слышать.

Одним из оснований «новой этики» является принятие различий, инклюзивное отношение к другим, предполагающее, что любая общность складывается из совокупности культур или традиций всех групп, которые в эту общность входят, например российский опыт — это синкретически объединенный опыт разных этносов, разных этнокультурных традиций.

В последнее время участились разговоры о том, что старые моральные нормы надо «сбросить с корабля современности», а вместо них следует принимать, воспроизводить и продвигать некоторые формы «новой этики». Проблематика этого феномена активно присутствует в обсуждении современного круга вопросов этики.

Не существует какого-либо манифеста «новой этики», и для того, чтобы экстрадировать некоторые нормы «новой этики», необходимо погрузиться в большое количество дискуссий, обсуждений, конфликтов, где собеседники имплицитно говорят о некотором конфликте именно этического, парадигмального. Также стоит вопрос: «новая этика» — это устойчивое словосочетание или научный термин? Имеем ли мы дело с «новой этикой» или с новыми границами этического сообщества, тех людей которых мы считаем субъектами этики?

¹ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат искусствоведения, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Реалистический поиск в художественной культуре XX века: опыт гиперреалистичного самопознания» (в соавт.), «Искусство гиперреализма как выражение адекватного самосознания современности» (в соавт.), «Архитектура Петербурга XXI века. Возможные пути развития городской среды», «Становление русской национальной культуры в эпоху нового времени», «VR-технологии в современном искусстве», «Public art: современное искусство в пространстве городской среды» и др. Награждена Почетной грамотой ФНПР.

² Богомолов К. Похищение Европы 2:0 // Новая газета. 2021. 10 февр.

На тему «новой этики» академических исследований на сегодняшний день практически нет, а проблемное поле этого явления дает возможность очертить многочисленные интернет-издания, которые затрагивают обширный круг тем: от проявления расового, гендерного и возрастного неравенства, феминистских заявлений, вопросов политкорректности, поведения человека, в том числе в интернет-пространстве, до генетических и медицинских исследований, а также проблем нейро- и биоэтики.

Причину появления «новой этики» с ее новым пониманием психологии меньшинства и культом меньшинства связывают со Второй мировой войной, которая явила миру опыт антигуманного обращения и несостоятельность этических систем, основанных на дуализме добра и зла, когда оказалось, что большинство не бывает право или очень часто бывает не право. Этические нормативные постулаты раньше определялись выбором и поддержкой большинства людей, им следовало большинство. Меньшинства, объединенные в группы по национальному, социальному, ментальному, сексуальному признаку, считались маргинальными. Но мнение большинства теперь не является верным, этические нормы больше нельзя определять исходя из того, что так поступает большинство. Голос и власть большинства не имеют больше авторитета и моральных санкций.

Один из адептов «новой этики», Лешек Колаковский, писал о том, что нет моральной догмы, а человек должен делать нравственный выбор ежедневно и не ссылаться при этом ни на какие авторитеты.

В своей книге «Глубинная психология и новая этика», впервые изданной в 1949 году, Э. Нойманн пишет, что проблема зла, с которой человек сталкивается постоянно, как на индивидуальном уровне, так и в формате коллективного, — это основная жизненная трудность современного человека. Усмирить и трансформировать эти деструктивные силы традиционная этика оказалась не способна. Человеку, по мнению Э. Нойманна, предстоит в первую очередь осознать свою неполноценную личность, свою тень и все зло, которое заключено в нем самом. Зачастую мы проецируем это на другого человека, удовлетворяя свою потребность найти оправдание собственным недостаткам, которые довольно легко и часто обнаруживаем в другом. Результатом этого и стало разделение мира на расы и индивиды, высшие и низшие народы, хороших и плохих. Рассматривая в своем исследовании старую и новую этику, Э. Нойманн пишет, что чрезвычайно жесткие требования к человеку, его мужеству, личному выбору характеризуют «новую этику» как радикальную, предполагающую необходимость постоянного рассмотрения проблемы добра и зла. Автор утверждает, что индивид, прежде чем выполнять роль в коллективной деятельности, должен самостоятельно решить основную проблему нравственности. «Новая этика» Э. Нойманна исходит

из двух принципов — большинство не всегда право и зло не является преодолемым¹.

Означает ли «новая этика» обновленный этический кодекс? Каковы особенности «новой этики» сегодня? Какие новые этические границы сообщества устанавливаются? Можно выделить основные.

Требование соблюдать границы друг друга, которые люди устанавливают сами для себя. Зачастую употребляется термин «токсичное поведение», который не подлежит точному определению, но интуитивно объясним (задают неприятные вопросы, настаивают на своем, нарушая границы другого, и в целом не вписываются в нормы поведения данного сообщества).

Также примером установки границ может служить разговор о пассивной агрессии, которая не выражается явно, но имплицитно ощутима. Установка на радикальное априорное принятие другого. В принципе основанием для современной цивилизации, во многом евроцентричной, становится толерантность или принятие другого, но должно ли оно быть абсолютным и ментальным?

Сторонники «новой этики» категорически не приемлют насилие. Но нет никакого гомогенного определения феномена насилия. Отсутствие концептуализации насилия в пределах «новой этики» приводит к тому, что описание этого феномена бесконечно расширяется и умножается. Насилием объявляется все: пересечение границ другого человека, психологическая манипуляция, причинение физической боли. Сегодня много понятий, с помощью которых сторонники «новой этики» предлагают описывать конкретные ситуации насилия: газлайтинг, сексторшн, харассмент, кэт-коллинг, апскертинг, культурная апроприация. Как видно, сплошные англицизмы, объясняющие тот факт, что в англоязычном пространстве довольно давно существуют некоторые договоренности о том, что необходимо в язык вводить больше слов, которые будут описывать множественный опыт насилия.

Еще одна черта «новой этики» — это радикальный ревизионизм по отношению к прошлому, когда слышны призывы: снесем памятники, перепишем книги, ограничим доступ к контенту. Потому что это не соответствует современным моральным принципам. Но есть другой подход, часто используемый в массмедийной культуре, — сопровождение продукта комментирующими отсылками о том, что демонстрируемая информация — это продукт своей эпохи, она основана на «предрассудках», которые не соответствуют современному знанию о человеке и обществе, когда могли господствовать расовые или сексистские стереотипы.

Как нет единого кодекса «новой этики», так нет гомогенной критики моральных и нравственных установок и социальных пактов, которые утверждают представления о должном и недолжном и сталкиваются с прежними установками.

Критикуя «новую этику», предполагают, что ее носителям или сторонникам присуща интенция агрессивного субъектного права перестраивать мир, установка на жесткое утверждение своего я, с которым трудно

конкурировать. Это построено на продвижении ценности комфорта в современном сообществе. Здесь также можно продолжить разговор о соблюдении границ друг друга, что нужно заботиться друг о друге, принимать друг друга, сказать нет насилию, газлайтингу, стремиться к безопасным пространствам (safe space), где каждый чувствующий себя маргинализированным может быть в безопасности и не испытывать дискомфорта по расовой или этнической принадлежности, из-за умственных или физических способностей. Очевидным является нежелание сталкиваться с внешним миром, утверждая, что нам нужен уют, комфорт, предсказуемость. Мы не хотим сталкиваться с неприятными друзьями, не только врагами, но и превосходящими нас физически и интеллектуально. Здесь заключен своеобразный парадокс. Опыт нашего совместного бытия складывается зачастую из конфронтации, столкновения с другим, с необходимостью переступить границы, резонировать друг с другом. Критики «новой этики» как раз говорят, что сторонники этих моральных позиций уничтожают прежний социально-антропологический опыт. Это скорее слишком явная демонстрация того, что человека не удовлетворяло в прежней культуре, для которой весь опыт конфликтности был нормальным.

Люди сейчас существуют в определенных контекстах, ситуациях и понимают, что те этические дилеммы или установки, в которых они воспитывались, не очень подходят для их опыта. Конфронтация себя самого с собственным опытом и воспитанием и нежелание принимать это как норму — самое интересное в современном обсуждении.

Еще один важный тезис в разговоре о «новой этике». Человечество сегодня проживает уникальный опыт взаимодействия с цифровыми технологиями. В этой связи необходимо говорить не только об этике цифровых сервисов, но и об этике цифровой эпохи, когда в этом пространстве также формируется представление о правильном или неправильном, должном и недолжном. Существует много болевых точек и неосознаваемых моментов, которые можно прагматизировать. Например, стоит задать вопрос о том, как сервисы влияют на человека. Технологии влияют на людей или люди влияют на технологии? Что значит любовь в эпоху, где ее комментируют, выставляют на всеобщее обозрение, хранят в виде скриншотов, дружба, когда каждый другому friend, безопасность в эру биометрических данных?

Разговор о «новой этике» в научном поле еще только начинается, но уже прорисовываются границы этого дискурса, определяя новые установки на фактическое воплощение идеи абсолютной ценности человека, проявление его индивидуальности, неприкосновенности достоинства каждого, возможности диалога, показывая готовность к нравственному развитию общества.

Литература

Гусейнов, А. А. Что нового в «новой этике»? / А. А. Гусейнов. — Текст : непосредственный // Ведомости прикладной этики. — Тюмень : ТИУ, 2021. — Вып. 58. — С. 91–106.

¹ Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. СПб. : Академ. проект, 1999.